

ИДИ И СМОТРИ

Никита Кадан: "Вот вам ваш рай, жрите его полной ложкой"

Елена Фанайлова

менее минуты назад

Никита Кадан

Материал был впервые опубликован с сокращениями Украинской службой Радио Свобода

Никита Кадан (род. 1982, Киев) – один из ведущих современных художников Украины. Работает в инсталляции, живописи и графике. Лауреат Шевченковской премии 2022 года за цикл работ “Камень бьёт камень”, ряда национальных премий. Работы находятся в парижском Центре Помпиду и ряде европейских музеев. В 2015 году работы были представлены в Украинском павильоне Венецианской бьеннале. Международный куратор, исследователь и теоретик искусства, сфера интересов – украинский авангард 1910-30-х годов, политическое

насилие, украинское историческое наследие, руинирование, память и травма, пропаганда. Живет в Киеве.

С начала российского вторжения в Украину Никита Кадан работает в мастерской, которая превращена в бомбоубежище. С 2022 года сделал несколько значительных проектов, рефлексирующих войну, в европейских художественных институциях. Этот разговор состоялся в Пражской академии художеств после лекции Никиты Кадана. В беседе принимал участие славист, исследователь и куратор современного искусства **Томаш Гланц** (Цюрих).

– Начнём с проекта под названием "Тревога". Инсталляция в городе Ипр в бывшей церкви, ныне музее.

– Она сделана в In Flanders Fields Museum, это Музей Первой мировой, и установлена в восстановленной романской церкви. Второе название: "Сирены и мачта". Это круговая конструкция с полупрозрачным белым занавесом и огромной иглой, стоящей в центре. Когда человек заходит в круг, включается сирена воздушной тревоги, воспроизведенная человеческим голосом, украинской оперной певицей. Тональности, человеческому голосу недоступные, были воспроизведены скрипкой.

– Это история Одиссея? Пение сирен, а кто их услышит, должен умереть?

– Она также связана с украинским выражением и большой коллективной практикой, за этим выражением стоящей. Выражение: "ебане, то ебане". То есть "ё...т, значит, ё...т". Многие люди не ходят в бомбоубежище: если во время каждой тревоги ты будешь спускаться, там половина жизни пройдет. Мы слышим тревогу обычно по несколько раз на день. Есть выбор: рискуя, но жить свою единственную жизнь. А третье – это парадокс, описанный Адорно и Хоркхаймером: тот, кто привязан к мачте, слышит сирен, а те, кто гребёт, не слышат, их уши заткнуты воском. Это разрыв между пониманием и действием. Когда сирена воздушной тревоги воспроизведена человеческим голосом, мы думаем о сиренах из "Одиссеи". Здесь культурализация не то чтобы смягчает доступ к непосредственному опыту людям, которые эту работу смотрят не в Украине: настоящая тревога была бы триггерной, а в оперном исполнении – это совсем другое. Эта рамка выхватывает кусок живого опыта. Есть гигантское количество человеческого страдания, которое накопилось, накапливается, не вмещается уже ни в кого, поэтому всякое говорение о нем в культурном поле – это выбор рамки.

Томаш Гланц: Я думаю, что тревога, которая исполняется человеческим голосом, эмоционально может быть более интенсивна, чем реальная. Это тревожный опыт, который Никита из Украины привозит в европейский мир. Мы с Никитой

говорили о том, насколько опыт насилия, деструкции, опосредованный искусством, быстро становится графическим и банальным. Сила художественной практики Кадана в том, что он не устает находить те невралгические пункты, где можно к действительности прикоснуться эстетическим методом, так, что он действительно задевает за живое. Он это делает давно, до начала большой войны, с 2014 года. Это работа, которая идет к истокам в модернизме, в архитектуре, в культурном наследии, в медийном плане, в фотографии, в литературе, в философии, они переносятся в современность.

Из серии "Тень на земле" (2022)

– Вот графическая серия с черными контурами тел мёртвых людей, которые лежат в полях, серия сделана углем. Тела погибших – это образы чужих солдат, россиян. Или же это и образы убитых украинских солдат?

– Когда Томаш сказал, что звук сирены, пропущенный через человеческий голос, действует сильнее, я, как человек буквального мышления, не согласен. Со звуком реальной сирены тебе может голову оторвать, а с оперной – это не так. Речь о рамировании избыточного опыта. Для людей, которые этот опыт не переживают непосредственно, он просто невместим. Подойти к нему через культурный канон может парадоксальным образом быть единственной возможностью приблизиться, не рискуя его прожить.

А что касается цикла "Тень на земле", рисунков с силуэтами на полях, я их начал рисовать после 24 февраля, уже находясь в галерее, которая служила мне бомбоубежищем. У меня был небольшой альбом и несколько угольных карандашей. Я повторял мотив черного вспаханного поля и плоского черного силуэта на нем. Тогда популярность в сети набрал жанр, известный, как "дохлая р.сня", то есть изображения оккупантов, которые начали соединяться с землей, за которой пришли. Ну, эти невинные, простые русские мальчики, которые зашли прогуляться за границу, которая, в их понимании, не совсем реальна. "Дохлая р.сня" стала частью украинской мем-культуры и интернет-фольклора, я отталкивался от ряда фотографий. Но возник тревожащий образ неразличимости: это образ убийцы и насильника, который получил то, что заслуживает, или же это его жертва? Диаметрально разное отношение к их смерти, к их останкам. Чёрное вспаханное поле, чорна рилля (чёрная пашня), которая важна в украинском фольклоре, в национально-романтической традиции. Но это и о том, как на Украину смотрят колонизаторы, то есть взгляд с русской перспективы – вся эта житница, плодородные черноземы, певучесть и витальность. Кто-то из российских авторов прошлого писал: "В русском космосе Украина всегда занимала место рая". Ну, вот вам ваш рай, жрите его полной ложкой, только для вас он избыточен.

– Это не рай, а ад. Это чёрное пространство – пространство ада, которым обернулось для захватчика украинское поле.

– Я бы сказал, эта невинность, эта способность быть просто русскими мальчиками, простыми русскими людьми, которые ни на что не влияют, которые выбора не делают, эту власть не выбирали, все решено за них. И именно это в следующей стадии логично имеет превращение в "дохлую р.сню".

Томаш Гланц: Эти фигуры, нарисованные углем, для меня связаны с другими нарисованными жертвами войны из Бучи, это серия, которую Никита выставлял в Праге. Трупы людей изображены в вертикальном положении. Я имел честь быть одним из кураторов выставки под названием The Pain of Others – это цитата из последней книги Сьюзен Зонтаг Regarding the Pain of Others (в русском переводе "Наблюдая чужие страдания" – РС), где она пишет об опосредованном подходе к страданию на основе фотографий войны в Ираке. Эта книга дала название большой выставке в Пражском центре современного искусства DOX, где я отвечал за часть украинских и русских проектов, наряду с выставленными там Отто Диксом, Грабом Рихтером и несколькими десятками произведений мирового искусства. Из Киева привезли эту серию впечатляющих работ, где мертвые тела, но они изображены вертикально. Это не так часто наблюдается в изобразительном искусстве. Как правило, это связано с вопросом связи между миром живых и мертвых, воскресения, трансцендентальной связью между землей и, условно говоря, небом и адом.

"Зрители" (2016). Фрагмент экспозиции «Камень бьёт камень». Фото: PinchukArtCentre, Maksym Bilousov

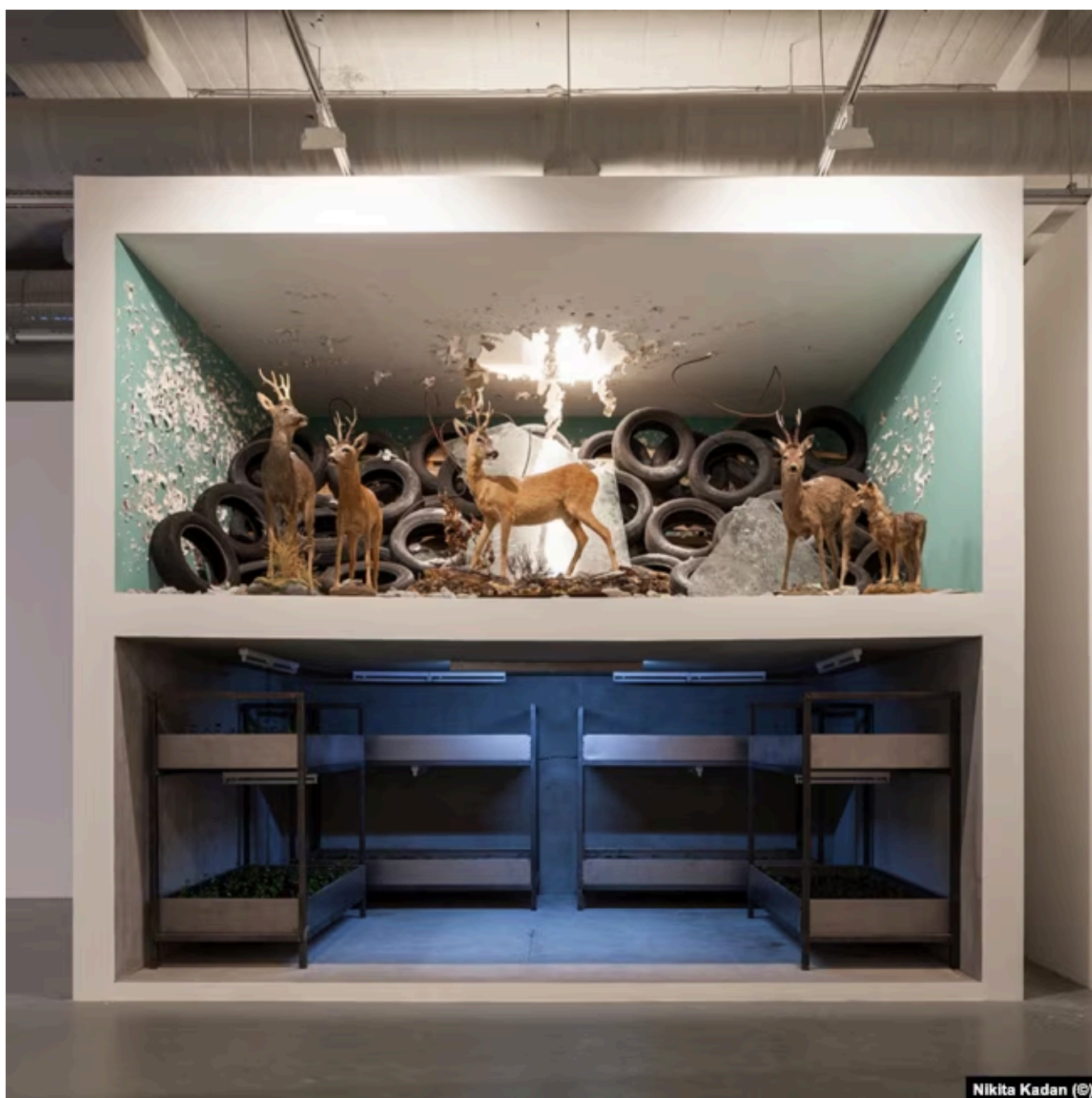
Никита Кадан: Это большие рисунки углем с фигурами в человеческий рост. Там убитые с фотографий, но каждое тело поставлено вертикально. За этим две линии. Одна – это российское пропагандистское утверждение, что “это всё было постановкой”. Представляете: актеры встают и раскланиваются, всё было не настолько серьезно, обратимо. Кажется, что не только фашистская пропаганда РФ, но и довольно большая часть россиян, которые хотели бы не брать на себя вину и ответственность, видят вещи таким образом: можно будет всё символически отмотать и вернуть себе невинность. Нет. Уже нельзя будет никогда.

А второе связано с моим опытом. Был человек, живущий в Буче, к которому я в гости приезжал, небольшой городок, с очень красивыми озерами, с дачной жизнью. Когда я после деокупации видел фотографии убитых, мне казалось, что старика убитого я помню. Я ждал на остановке, а он сидел рядом, с пивком. Или вот эта женщина: я точно видел её. Это, скорее всего, фиктивные воспоминания, но они довольно интенсивно меня преследовали. Я снял квартиру, приезжал туда довольно часто. Это было как будто расширением мастерской, местом работы. Там стоит алоэ в горшке, которое пережило оккупацию без полива, на тамошнем базарчике я его купил. Так вот, это и непосредственный опыт места, материальность утраченных, убитых жизней, превращение городка в шрам. А второе – иллюзии, что война и российское уничтожение мирного населения – это

спектакль, который закончится, и желание эту иллюзию разорвать, не дать ей быть. Она невероятно подлая.

– Одна из запоминающихся картин – рука женщины из Бучи, которую, кажется, распространили все агентства. В одной из твоих работ присутствует рука, выступающая из земли.

– Фотография женской руки с накрашенными ногтями – другая. Были фото одного из мест обнаружения массового захоронения, там была рука мужская, торчащая из земли. В моей работе "Убежище-2" двухэтажная конструкция, верхний этаж содержит стену из книг. Фото защитной стены из книг, который человек выстроил в комнате напротив окна.

"Убежище" (2015)

– Стена физической защиты. Не только виртуальной, как привычно думать о книжном мире, а книги – кирпичи, стена, которая защищает.

– Здесь книги – защитный материал. Нижняя часть – комната, сделанная из прессованного чернозема. Стены, пол, потолок – из прессованной земли. А на фронтальной стене – рука из бронзы, в черной патине, очень "памятниковый" материал. И это не только могила, которая, как коробка, поставлена на боковую стенку, это еще и невозможность памятника: памятник уже закопан. Это продолжение работы 2015 года. Там была сцена из Донецкого краеведческого музея, чучела животных, которые стоят среди обломков после ракетного прилета. А внизу – бетонное бомбоубежище, где на двухуровневых кроватях земля, и там в ней прорастают...

– Какие-то зеленые росточки.

– Во второй работе уже ничего не прорастает. Это необратимость.

"Убежище II" (2022-2023)

– Художественные средства Никиты Кадана не очень изменились после 24 февраля. Методы, которыми он работал до начала полномасштабной российской агрессии, способны описать кошмар библейского масштаба: уничтожение украинского народа.

Томаш Гланц: Ни один серьезный художник не может оказаться не затронутым этой войной. Никита говорит, что не считает себя художником этой войны, что это вызывает скорее сопротивление, когда в Западной Европе так его воспринимают. Диапазон его тем несопоставимо шире, это всегда поиск нового, это не работа с трафаретными схемами. И одновременно это перенос истории в современность.

– Есть такая идея, что концепция посткатастрофического мира, в которой люди жили до февраля 2022 года, это была райская концепция. Вторая мировая война закончена, уроки Холокоста извлечены, главная катастрофа цивилизации случилась, можно жить в мире postwar, как говорил историк Тони Джадт. В твоём художественном сознании катастрофа не кончалась...

– Распространенное восприятие 22-го года как начала войны связано с тем, что с 14-го эту войну не признавали как российскую войну против Украины. В постоянной оговорке "с начала войны, ну, вы поняли, с 22-го" звучит извинение себя за то, что называли конфликтом на востоке Украины, или вооруженными столкновениями на востоке Украины. А кто-то и словосочетание "гражданская война" позволял себе. Желание поставить веху начала катастрофы – это снятие с себя ответственности за то, что было до. Я имею в виду и ту категорию, которую стереотипно принято называть "хорошими русскими", и многих людей на Западе, которые жили с ощущением, что их-то это точно не коснется.

Но решающий момент войны открытой, полномасштабной, и является способом исключить из картины собственное участие через неучастие, согласие через молчание. В годы так называемой путинской стабильности можно было иметь в центре Москвы прогрессивный заповедник за счет того, что некоторых тем предпочтительно не касаться в публичных институциях, например, весь этот прекрасный мир вокруг Фонда V-A-C или "Гаража", московских галерей и ярмарок, интеллектуальной, литературной среды. Все знали, где нужно промолчать, а где подкрутить ручку громкости для кухонного разговора. А потом "вдруг что-то началось".

– Украинский художник приезжает в Европу – чего ждет от него Европа?

Никита Кадан: Мне привычно оказываться в ситуации, когда интервьюируют с некоторыми ожиданиями, а я говорю не то, чего ждут. Нужно пойти поперек запроса и говорить не "как мы все хотим мира", а "давайте оружие, без него война будет съедать украинские территории, украинские жизни, и поползет дальше на Запад". И о том, что все так называемые "красные линии" для Путина являются частью большой системы иллюзий, в которой живет западный мир. Никаких "красных линий" нет, есть его неудержимое желание оторвать, сколько может.

Нужна поддержка Украины оружием, эмбарго на российские энергоносители. Эти конкретные вещи нужно говорить в ответ на абстрактные вопросы.

И есть моя работа как художника, которая согласовывается с моими задачами как гражданина. Эта работа – понимание. В этом случае любой пропагандистский регистр будет принципиально чужд. Я не пытаюсь убедить, скорее, думаю вслух. Но это в отношении художественной практики. А в отношении гражданских задач всё гораздо проще и конкретнее.

Томаш Гланц: Что касается европейского восприятия украинского искусства. Я с недоверием отношусь к публичным мероприятиям, где Украину показывают как что-то почти фольклорное, как какой-то специальный случай: какая-то трагедия. Это не так. Украинское искусство, литература, культура были тесно связаны со всем, что происходило и в Европе, и в России многие десятилетия и столетия до любых конфликтов, или несмотря на эти конфликты.

И второй момент, который кажется не менее опасным, – когда в обстановке войны проходят презентации украинской культуры в духе "те или иные войны были всегда, и вот еще одна из них". Такой цинизм нежелателен. Удержать внимание к единичности этого ужаса – не такая простая задача. Война длится долго, люди стали циничными, перестали интересоваться тем, что повторяется каждый день.

– При виде "Гостомельской скульптуры" (отсылка к защите города весной 2022 г. во время российского вторжения; Гостомель награжден званием "Город-герой Украины" – РС) у меня было ощущение, что мы видим вертикальную статую из римских развалин.

Никита Кадан: "Гостомельская скульптура" – это такой флажок, а флажок – кусок металла с крыши одного из домов в Гостомеле. С 2014-15 годов я собирал материалы разрушений, ездил в Луганскую область – в ту часть, которая была под контролем Украины, но где прошли российские обстрелы, или которые находились под оккупацией, потом были деокупированы. Тогда я сделал работу "Газелька": флаг из порванного шрапнелью железа кузова ГАЗика, маленькой грузовой машины из Северодонецка. Я выгибал из металла формы этой свисающей ткани.

А в "Гостомельской скульптуре" металлический лист, как он есть. Он помят взрывной волной, в нем дыры от шрапнели. Кусок железа с крыши дома в Гостомеле прикреплен к вертикальной металлической трубе, которая, как древко, установлена на камень. Здесь отсылка к плату святой Вероники, но если на нем отпечаток лика, то здесь собственный опыт материала, то, что эта крыша прожила и видела.

"Гостомельская скульптура" (2022)

– Одна из твоих мыслей – что описание страданий может ничего не дать зрителю. А опыт материала дает наглядность страдания. Твой металл, твои камни вопиют.

Никита Кадан: Есть много мастеров поговорить, работающих в пропаганде. Слово – непристойно пластичный материал. Порванное шрапнелью железо – последний предел, в который оно упирается, с которого должно брать пример, если нужно соотноситься с действительным положением вещей, с истиной. То же касается и визуальных образов: они должны упереться в металл. Это порог, который нет возможности переступить, право его переступить тебе не дано. Когда ты стоишь перед ним, это вопрос ответственности, вопрос, что вообще ты тут делаешь.

– Что художник может сказать, не воображая катастрофу, а проживая её?

Никита Кадан: Моя книжка, сделанная в Музее Первой мировой войны, называется "Поэтика свидетельства. Поэтика доказательства". С 2014 года в моих работах возникла отчетливая историографическая линия, мне было важно, говоря о начавшейся войне, рассматривать ее в долгих рядах причинно-следственных связей, находить историческое измерение. Я видел умозрительное пространство, которое собирает мои работы, как критический музей, универсалистский, антинационалистический, не подверженный аффектам единения. Такая холодная истина. А в 2022 году этот музей превратился в суд, в трибунал. Многие мои работы – доказательства для этого суда.

Nikita Kadan (©)

"Газелька" (2015)

– Как ты переосмыслил харьковский опыт Велимира Хлебникова?

Никита Кадан: Тут не про опыт самого Хлебникова. Есть моя работа, которая называется "Проект с отложенным воплощением". Она цитирует нереализованный проект харьковского модерниста, конструктивиста Василия Ермилова: памятник "Председателю Земного шара". Ермилов встречался с Хлебниковым в 1919 году. Хлебников тогда провел в Харькове много времени, находясь в психиатрической клинике на Сабуровой даче, скрываясь от мобилизации в Белую армию Деникина. Хлебников жил и в имении сестер Синяковых, которые являются значимыми фигурами в истории украинского авангарда.

После смерти Хлебникова Ермилов сделал проект: красный куб, на котором с некоторым смещением от центра балансирует золотая сфера. Этот памятник, как и все проекты публичных скульптур и памятников Ермилова, не был реализован. А я сделал предложение для публичной реализации этого монумента: страница из книги с его рисунком, скульптурная модель, а также VR-анимация того, как выглядел бы этот памятник сейчас в Харькове. И установлен он был бы на фоне руин от российских ракет и управляемых авиабомб. Это связано с очевидным вопросом: возможно ли, и как возможно, читать российскую поэзию во время российских обстрелов?

– Украинский авангард – часть международного проекта?

Никита Кадан: Харьковский 20-е были одним из явлений международного авангарда. Произошел мощнейший рывок по преодолению провинциализации, в которую загоняла Украину Российская империя. Связано это было в том числе с политикой украинизации, которая была частью политики раннесоветской "коренизации", когда вместо старых российских имперских элит выращивались новые национальные коммунистические... не хочется употреблять слово "элиты". Тут и национальная интеллигенция, и национальные политики.

Это был украинский коммунистический Ренессанс, уничтоженный сталинским режимом, когда оказалось, что СССР – это возрожденная Российская империя, где имперский централизм прикрыт красным флагом и фальшивыми словами про интернационализм.

– Смысл этой колониальной политики был в том, чтобы уничтожить суть национальной культуры, но присвоить ее детали. На этапе, о котором мы говорим – Расстрелянное Возрождение, убитые представители украинского авангарда – уничтожение сути. А детали... Давайте деревенскую Украину, образ рая?

Никита Кадан: То, что советско-украинская культура оказалась возвращена в стойло, к фольклорным ансамблям с пластмассовыми веночками, шароварами и "здоровеньки булы", ясно говорит, что культурная автономия и подключение к интернациональному пространству через Москву, а не напрямую, было для советского проекта в его сталинской и постсталинской версиях единственной перспективой для Украины.

Харьковские 20-е годы были про другое. Образ украинских 20-х остается открытым просветом: там заходит воздух, которым можно дышать. Но невозможно любоваться этим, забывая про Сандармох, место, где были расстреляны эти авторы. И помнить о Сандармохе, забывая о коммунистическом содержании текстов Майка Йогансона или росписях "бойчукистов", тоже было бы фальшью.

Дистанция между Стусом и украинским соцреалистом, обслуживающим убивший Стуса режим, больше, чем дистанция между Стусом и Шаламовым.

– Вспомним польские формулировки, Гедройца, Херберта: важнее всего то, что мы напишем и нарисуем “за это время” (а мы знаем, современниками каких событий они были).

Никита Кадан: Вопрос – кто такие "мы"? Когда это говорят граждане страны-оккупанта, это не тождественно тому, как это же могут сказать граждане оккупированной страны. Вопрос в личной ответственности. Я могу представить сценарий, при котором какой-то из "простых русских мальчигов" не останется в украинском черноземе, а выживет и станет каким-нибудь Генрихом Бёллем будущего. Или Йозефом Бойсом. Но то, что он станет Захаром Прилепиным, – гораздо более реалистичная перспектива. Я думаю про будущих, нынешним в большинстве ничего не светит. Для них единственным шансом является огромное историческое поражение. Тогда, может быть, те, кто все это видел в юности и в этом участвовал, будут работать на невозвращение. Но для этого нужно поражение масштабов 1945 года.

Читайте Свободу в [Телеграме](#)

Сделайте Свободу приоритетным источником в [Гугл](#)

Установите Мобильное приложение
Радио Свобода

Елена Фанайлова

Этот контент также в категориях

Выбор Свободы

Иди и смотри

Культура

Украина

Радио Свобода © 2026 RFE/RL, Inc. | Все права защищены.